

Любовь

Машкова

ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ

Стихи разных лет

* * *

Было белое – белым,
 Зеленое было зеленым,
 Было синее – синим:
 Не смешивал красок июль.
 И стояла жара
 На планете моей полудённой,
 В самом центре которой
 Лениво лежал Иссык-Куль.

В самом центре которой,
 Одни в этом ласковом свете,
 И на целой планете,
 И в целой вселенной одни,
 Мы сушили с тобой
 Серебром отливавшие сети
 И ловили
 И впрок запасали
 Погожие дни...

МАСТЕРСКАЯ СКУЛЬПТОРА

Не скрипнет под ногой моей шамот,
 Пыль по углам холодным не взовьется.
 Мы здесь живем, но уж который год
 Моя душа твоей не дозвется.

Среди скульптур – моих же близнецов
 Уже не помню я, что я живая.
 Как неподвижно в зеркале лицо,
 Как быстро выстывает мастерская.

Обнажена, застыну у зеркал,
 И наши взгляды в них пересекутся.
 Что ты во мне и в этой тьме искал?
 Какие токи в пальцах отзовутся,

Когда спеша – все лишнее долой –
 Ты глину мнешь, то грубо, то лаская?..
 И я к себе ревную – к неживой,
 Не слезы – пыль шамотную глотая.

Зачем меня ты лепишь не с меня?
 Зачем меня ты так пристрастно лепишь?
 Так презирая мой полет, мой лепет,
 Всему сопротивляясь, что есть я?

О как ты бесконечно одинок.
 О как безмерна хищная гордыня,
 Когда в обломках я лежу у ног,
 А для тебя не брезжит даже имя.

И встанет тут из праха, чуть жива,
 Моя душа на слабые колени:
 – Любимый, это я, твоя жена...
 И смотришь ты с тревогой и сомненьем.

МЕТЕЛЬ

...Всё бы ничего –
 Да глаза его,
 Их тягучий свет
 Из-под низких век.
 Как приду домой,
 Все следят за мной:
 Рано ль я легла,
 Поздно ли спала,
 Говорю ли в лад –
 Все следят, следят..
 Всё бы ничего,
 Да вопрос его –
 Будь то ночь черна
 Иль заря светла:
 – А ты где была?

А где я была,
 Там меня уж нет.
 Там воронья мгла
 Застит белый свет.

Самый черный из них,
Самый ворон из них
Всё ждет слов моих.
Повернусь спиной –
Его тень за мной:
– Моя милая, моя сладкая...
А в ушах моих – одно карканье.

Всё бы ничего –
Да вот власть его,
И такая власть,
Что хоть бы пропасть,
Душу заложить,
А без него – не жить.
От того воронья
Белый свет постыл...
Чур, чур меня!
Вот и след простыл.

Всё бы ничего,
Да в душе темно.
Да пьяна виной
Возвращусь домой,
А там сокол мой.
А там горький свет
Из-под грозных век.
В ноги б кинуться,
Головой припасть:
– Мой единственный!..
Нареветься власть.
Но опять слова:
– А ты где была?

...А где я была,
Там метель мела.
Всё бы ничего,
Да белым-бело
Снегу намело.
Вот и к дому след
Весь сошел на нет.

* * *

Не умею быть одинокой.
Уж какой бы ты ни был сокол,
Поведу только длинной бровью –
Прилетишь на мое подворье.

Не умею быть несчастливой.
 Потяжусь косынкой красивой,
 Да такую косынкою алой,
 Что всех бед моих – не бывало.

И с единственным распрощалась,
 Ничего со мною не случилось,
 Разве только в кровь искусила
 Уголочки косынки алой.

* * *

Не отвыкну от хорошего
 И к плохому не привыкну.
 Словно травушка некошена
 Я под взглядами поникну.

Стану жесткою осокою
 Под косым осенним ливнем.
 А косарь мой ходит около,
 То усталый, то ленивый.

Вот бы расчесал бородушку,
 Подпоясался потуже
 Да увел свою лебедушку
 От наветов баб досужих.

Чтоб под нами, будто скошена,
 Травушка легла – поникла,
 Чтобы от него – хорошего –
 Я к плохому не привыкла.

ПУШКИН

Альберту Гурьеву

1. Цитата

«Живых надеждою поздравим»,
 Что завтра будет новый день,
 Что, исключением из правил,
 На нас сойдет святая лень.

И будет так: Поэт и Муза,
 Или: Художник и Модель.
 Сотворчество, а не обуза,
 Работа, а не канитель...

«Живых надеждою поздравим», –
Какой же искус в этом есть,
Чтоб имя то, что он оставил,
Хоть в жизни раз, но произнести.

2. Дорога

Аэродром провинциальный.
Узлы. Баулы. Быт вокзальный.
Народ простой и не скандальный
В долготерпении своем.
Сидим у Волги. Ждем погоды.
На поле дремлют самолеты,
А мы не спим, а нам охота
Поговорить о том, о сем.

Семья из Гомельских пределов
На свадьбу к дочке прилетела,
Да вот у Волги и засела, –
Гутарит мать, а батька стих.
В субботу в Болдине пять свадеб!
Стоит октябрь. И с нами, кстати,
Везет своей невесте платье
Кудрявый болдинский жених.

Он закуток шагами мерит,
В погоду он давно не верит,
Вот-вот он выскочит из двери
И в Болдино пешком пойдет.
Нетерпелив, как тот, что славы...
Как тот, который... Боже правый,
Через холерные заставы
В Москву... Который век и год?!

Куда, куда он из деревни,
Куда летит он в нетерпенье,
В тоске, в надежде, в ослепенье?
Там Черной речки черный снег!
Аэродром провинциальный.
Узлы. Баулы. Быт вокзальный.
Народ простой и нескандальный
Ждет самолет. Который век...

3. Болдино

Всё обновится.
И наши сродненные лица,
Их тишина никогда уже не повторится.
Видишь, опять экскурсантов ведут вереницу.

Вот погоди, вот пройдут, и опять нам
 Приснится...
 В Болдине небо колышут печальные птицы,
 Перед отлетом толкуются грачиные стаи.
 В Болдине Дом – то гнездо – не шутя
 Обновляют,
 И не боятся, что всё навсегда обновится.

Всё обновится.
 И парк, и пруды, и криница.
 Нам подмигнет, загрустив, из колодезной Леты
 Мудрый по-птичьему глаз золотого ранета,
 Что никогда той воды нам уже не напиться.
 Всё обновится.
 Ты слышишь, скрипит половица?
 Профиль знакомый над книгой амбарной склонится.
 Боже, ты дай мне хоть раз заглянуть
 В ту страницу
 Через плечо его...
 Боже, ну пусть хоть приснится!

Как беспокойно, как скорбно кричат эти птицы,
 Неба котел от их крыльев безумных вскипает.
 Слушай, домой возвратятся вот эти же стаи,
 Или их крик над весенней землей обновится?
 Всё обновится,
 В колодце вода обновится.
 В жажде великой ее зачерпнут экскурсанты,
 Не понимая, что им ни сегодня, ни завтра...
 Что никогда той воды нам уже не напиться.

4. Черновик

Он думал обо мне и раньше, и покуда
 Летела за строкой его рука.
 Он думал обо мне, иначе бы откуда
 Мой профиль на полях черновика?

И помню я о нем. Уже не знаю, сколько
 Храню чуть пожелтевшие листы.
 Всё помню я о нем. Со страхом и восторгом
 Ловлю в ребенке странные черты.

5. Мойка, 12

Вот уж везет на реставрацию,
 На запустение везет.
 Вот Ленинград, Мойка, 12,
 Но нас, увы, никто не ждет.

– Он жил в особняке старинном...
– Да, жил, но вышел, дома нет,
Из Петербурга – из гостиной,
В деревню – в милый кабинет.

Как там теперь ему на воле?
Октябрь – пора трудов, забот.
А дом на Мойке – дом, не боле,
Квартира за пять тысяч в год.

Зачем же, если разобраться,
Зачем же через столько лет,
Когда и дом на реставрации,
Когда и вывески-то нет,

Кому, зачем, что за игрушки –
Истратив, может, колер весь,
Писать в полдома: «Здесь жил Пушкин».
Здесь Пушкин жил...
Здесь Пушкин...
Здесь...

6. Михайловское

– Облако, что ли, над Савкиной горкою тает?
– Нет, это всадник владенья свои облетает,
Вон поднебесья коснулась его голова,
Вон шевелится под конским копытом трава.

Вы не боитесь, когда вы жуете, галдите,
Или когда вы толпою идете в «обитель»,
Может, хозяин на вас в это время глядит,
И, может быть, его профиль арапский сердит?

Пользуясь тем, что поместья он ветренный житель,
В спальню идите, в постель за гроши загляните,
Может быть, маленькой ножки увидите след,
Пользуйтесь тем, что его здесь опять уже нет!

Он ускакал. Но когда от всех нас он устанет,
Станет волною кудрявой в холодном Кучане,
Станет звездой на тихую землю глядеть,
Так и не зная, что есть и забвенье, и смерть.

Это не облако в небе полуденном тает,
В красной рубахе то всадник холмами летает,
Это не Сороть подковой на солнце блестит, –
След от бесшумных, от бешеных это копыт!

7.

Остался молодым. А двор и дом – всё дым.
 Все разговоры – вздор от тех до этих пор.
 А вечна здесь всегда лишь Сороти вода,
 Да тихая звезда на доньшке пруда,
 Да эта вот строка на вечные века:
 «Пока свободою горим...»

АРХАНГЕЛЬСК

жители сея страны... по природному остроумию
 весьма замысловаты, в речах неспешны и наперед
 слова ладят дело.

И. Лепехин. Дневные записки путешествия

1.

Что касается слова и дела,
 Их единство олицетворя,
 На Кий-острове в воды глядела
 Церковь Крестного монастыря.

Вам расскажут, что в кои-то годы
 Никон – всея Руси Патриарх
 Повелел расписать ее своды,
 За любовь расписать – не за страх.

Только трудной была та работа –
 Красотой изводила она,
 И однажды разладилось что-то,
 Непрístupною стала стена.

И хоть дело есть все-таки дело,
 Но решили тогда мастера,
 Что раз дело дошло до предела,
 То домой им, однако, пора.

Никакие харчи и деньжонки
 Не заставят глядеть веселей,
 Коль мужик истомился по жёнке,
 По детишкам, по баньке своей.

И святому отцу-патриарху
 В ноги пали и били челом –
 Отпусти: из любви – не из страха
 Еще краше распишем потом...

И где церковка в воды глядела
 Настороженным серым бельмом,

Он сказал им: «Сперва будет дело!»
И печатью пристукнул при том.

И любясь содеянным чудом,
Погружась в этих вод забытьё,
Я теперь понимаю – откуда
Это вечное дело твоё.

2.

Мой друг архангельский, ты не zelo речист,
Но ты помор, и ты умом затейлив,
А я перед тобой как белый лист –
Бери, твори – и свод, и хлябь, и землю.

Под этим сводом мне детей рожать,
И в этой хляби, задыхаясь, плавать,
И от любви, как от подачки, плакать,
И вновь на землю твердую ступать.

Так расшифруй и сохрани годам
Всё, что во мне за словом слово пело.
Ты знаешь: прежде слова было дело.
Но всё-таки, но всё ж, но иногда...

3.

Не твоя вина, не моя вина,
Но если бы всё сначала, –
Моя бы Западная Двина
В твою бы Северную впадала.

* * *

Иногда потрясенно откроешь,
Что на весь-то оставшийся век
Тебе нужен для жизни всего лишь,
Как причастье, один человек.
Но в извечной житейской потуге
Так изводишь и гнешь ты его,
Словно боли не знаешь о друге,
И живешь себе,
И – ничего...

* * *

Реченье страсти невозможно
Вслух передать: всё станет ложью.
Когда ж обида говорит,
То правдой каждый вздох горчит.

...За нашей хлопающей дверью
Следят исход любви друзья.
– Он любит, любит! – не поверят.
– Меня он губит! – загрустят
И мне любовь мою простят.

КЛЮЧ

Этот ключ тяжелее замка –
Не поднять, из кармана не вынуть.
И к нему как присохла рука:
Где там – выкинуть, где там – закинуть.

Вот и мучь себя, или не мучь,
Никуда мне от ноши не деться:
Мне досталось нести этот ключ,
А тебе – твое легкое сердце.

БЕЗМОЛВИЕ

1.

Уйдешь в запой, совсем в другую жизнь,
Где нет любви, где и тебе нет места.
О Господи, держись, держись, держись,
Твои координаты неизвестны.

Что ищешь ты в отчаянной гульбе,
В хождении по краюшку по краю,
Когда несешься от себя к себе,
Путей-дорог уже не выбирая?

Любя, скорбя, безумствуя, губя –
Без продыха. Без всякого просвета...
Потом увидишь в зеркале себя –
Вернувшимся случайно с того света.

2.

Этих пьяных речей алкогольный туман,
Где беда – не беда, и обман – не обман,
И где магию чувства имеют слова,
И внимает им сердце, а не голова.

И когда подступает уже тишина,
Вдруг какое-то слово, поднявшись со дна,
Не захочет послушно обратно нырнуть,
А захочет остаться и жизнь повернуть.

И когда ты живешь вновь от сих и до сих,
Постзапойно задумчив, послушен и тих,
Это слово случайное, хоть и горчит,
Но в душе опустевшей нет-нет – и звучит.

3.

Тары-бары-растабары...
Друг любимый, друг мой старый
Говорит и говорит –
У него душа горит.

Заливает живу душу,
Завирает. Хочешь – слушай,
Хочешь – просто помолчи,
Взглядом друга полечи.

За окном стоит зима.
Пересылка. Сын. Тюрьма...
Но о черном сне из снов
Нет, нет у друга слов.

И горит его душа,
Спирт алкая не спеша.
И летят его миры –
Тары-бары... в тарары.

4.

Живая, живая душа
Дотла сожжена алкоголем.
А как же была хороша!
Да вот и пол-литра не стоит.

Она эту дозу найдет
И жалко еще встрепенется,
И вспомнит свой горный полет,
И в тщетном бессилье забьется,

Кружа в забытии куража
Над смрадным седым пепелищем...
Пустая, пустая душа,
Где злое безмолвие свищет!

5.

В ином измеренье –
Почти в беспределе,
Как в шоке –
Не больно пропасть.

Чему и болеть,
Коль душа отлетела,
И с жизнью теряется связь.

И только чужого,
Любимого тела
Привычная сила и власть
Чуть держит
На тонкой черте беспредела,
Чуть теплит
Забытую связь.

Чуть держит,
Чуть теплит
Глухое сознание,
Что где-то и лето, и жизнь...
И чей это голос
В тупик мироздания
Доносится плачем:
«Вернись»?!

ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ...
(Читая Яниса Райниса)

Не говори мне о том,
Что неизбежна разлука.
Лучше скажи о любви,
Что сильнее разлук,
Что жива и тогда,
Когда нечем дышать,
Когда я умираю
Вдалеке от тебя...
Ибо любовь – это жизнь.

Только об этом
Буду с тобой говорить...

ТЫ И Я

Там, где ты – там свет.
Там, где ты – там я.
Ты не верь, что нет
У тебя – меня.
Среди кутерьмы,
Среди бед-клевет

Я лечу из тьмы
На твой ясный свет.
А исчезнет свет
Твоего огня, —
Значит, больше нет
На земле меня.

* * *

С. Х.

Веточки мимозы —
Запах горьковатый —
Озаряют дом.
Веточки мимозы
Выпали из марта
Золотым дождем.

Как же это было?
И когда всё было?
Жизнь тому назад
Веточки мимозы
Мне из Ялты милый
Вёз в такой же март.

Аж до слёз в глаза мне —
Солнечные брызги,
На губах горчат.
Веточки мимозы,
Мне не хватит жизни
Позабить тот март.

* * *

Не умирай никогда.
Мне не одной это надо,
Чтобы светила звезда
В ветках осеннего сада.

Светит в ночи снегопад,
Полон добра и доверья.
Сквозь тишину и деревья
Звездные ночи летят.

Не умирай никогда.
Чтоб не чадили поленья,
Чтоб не горчила вода, —
В жизни и в стихотвореньях
Не умирай никогда.

ФИАЛКИ

Марату

Как они горели – яркие –
Во весь свет и ширь окна –
Нашей матушки фиалки...
Вздых. А дальше – тишина.

Показалось: вместе, разом
Вслед за ней глаза сомкнут!
Но светлы и ясноглазы
Всё цветут, цветут, цветут.

Словно чудо и всевластье
Не угаснувшей любви,
Словно матушки участие:
– Ты живи, живи, живи!

...Посидим же полминутки,
Отправляясь в дальний путь.
Взгляд фиалки-незабудки:
– Будь!

* * *

Сколько хватит терпенья – до Судного дня –
Дай мне, Боже, любить тех, кто любит меня.
Сколько хватит надежды – свивать эту нить
До крови, до мольбы – но любить и любить.
Сколько веры достанет – прощать и прощать
Тех, что в злой суете эту нить будут рвать.
Сколько хватит любви – узелочки вязать,
Их надеждой, надеждой крепляя опять...

